

Ежегодник Япония 2023. Т. 52. С. 297–338

Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 297–338

DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-297-338

Очерк Таяма Катай «*К и Т*» («*К то Т*»)

предисловие, перевод и комментарии
М. В. Торопыгиной

Аннотация

Очерк «*К и Т*» писателя Таяма Катай (1871–1930) был опубликован в 1917 г., сначала как отдельное произведение в журнале «*Бунсё сэкай*», а затем как глава книги «*Тридцать лет в Токио*» («*Токё-но сандзю нэн*»). Герои очерка – это сам Таяма Катай, в тексте он выступает как Т, и его друг Куникида Doppo (1871–1908), в тексте – К. Писатель рассказывает о том времени в 1897 г., когда молодые герои провели месяц с небольшим в храме в Никко. В это время Таяма Катай и Куникида Doppo только входили в литературную жизнь, вскоре они станут известными писателями.

Очерк особенно интересен тем, что дает представление о мыслях и чувствах японской литературной молодежи конца XIX в. Со времени описываемых событий прошло двадцать лет, и автору удастся увидеть «со стороны» не только друга, но и самого себя. Очень разные по характеру герои рассуждают о том, что такое человеческая жизнь, любовь, религия, природа, часто спорят, даже ссорятся. Разговоры героев о литературе дают представление о том, какими произведениями были увлечены молодые люди того времени, какие западные писатели и поэты были особенно популярны.

Из очерка можно почерпнуть и сведения о том, сколько зарабатывали литераторы своими сочинениями. Главной целью путешествия молодых литераторов было, несомненно, писательство. Именно во время пребывания в Никко Куникида Doppo написал рассказ «*Дядюшка Гэн*» («*Гэн одзи*»), произведение, которое знаменовало его обращение к прозе.

Ключевые слова: эпоха Мэйдзи, японская литература, мемуары, Таяма Катай, Куникида Doppo, Никко.

Автор: Торопыгина Мария Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН: 107031,

Москва, ул. Рождественка, д. 12; профессор Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: 105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4.

E-mail: mtoropygina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3214-5610

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Tayama Katai's Essay “*K and T*” (“*K to T*”)

Introduction, Translation, and Comments by M. V. Toropygina

Abstract

This publication presents the translation into Russian of the essay “K and T” by the Japanese writer Tayama Katai (1871–1930). The essay was published in 1917, first as a stand-alone piece in the magazine *Bunshō Sekai*, and then as a chapter of the book *Thirty Years in Tokyo* (*Tōkyō no Sanjūnen*). The heroes of the essay are Tayama Katai himself (in the text he acts as T) and his friend Kunikida Doppo (1871–1908, in the text he is K). The author speaks about the time in 1897 when the young heroes (both of them are 26 years old) spent a little over a month in a temple in Nikkō. At this time, Tayama Katai and Kunikida Doppo, who soon became famous writers, were just entering literary life.

The essay gives an idea of the thoughts and feelings of the Japanese literary youth at the end of the 19th century. As twenty years passed since the events described, Tayama Katai manages to see not only his friend, but also himself “from the outside.” The heroes, very different in character, talk about what human life, love, religion, and nature are. They often argue, even quarrel. The conversations about literature give an idea of what the Japanese literary youth of that time were passionate about, which Western writers and poets were especially popular.

From the essay, one can also learn how much the writers earned with their writings. The main purpose of the journey of the young people was writing. It was during his stay in Nikkō that Doppo wrote the short story “Uncle Gen” (“*Gen oji*”), a work that marked his turn to prose.

Key words: Meiji era, Japanese literature, memoirs, Tayama Katai, Kunikida Doppo, Nikkō.

Author: *Toropygina, Maria Vladimirovna*, PhD of Sciences (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 107031; Professor, Institute for Oriental and Classical Studies of HSE University: 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation, 105066.

E-mail: mtoropygina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3214-5610

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой...
...Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду.

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Герои очерка «*К и Т*» («*К то Т*») очень непохожи друг на друга по характеру. Один – открытый и обаятельный, с легкостью говорящий о себе, это К. Другой – мрачный, угрюмый, замкнутый – это Т. Т – автор очерка, Таяма Катай, а К – его друг Куникида Doppo.

Очерк был опубликован в первом номере журнала «*Бунсё сэкай*» за 1917 г. [Tomatsu 1979, p. 74] и вошел в опубликованные в том же году мемуары Таяма Катай – книгу «*Тридцать лет в Токио*» («*Токё-но сандзю нэн*») [Tayama 1917; Tayama 1981]. Глава «*К и Т*» входит не во все издания «*Тридцати лет в Токио*», по стилю она значительно отличается от остального текста мемуаров: воспоминания Таяма Катай написаны от первого лица, а в «*К и Т*» Т, как и К, – герои, о них говорится в третьем лице. Однако многие моменты этого очерка неразрывно связаны с другими событиями, о которых рассказывается в «*Тридцати годах в Токио*», поэтому происходящее в очерке лучше понимается в структуре мемуаров, сами же мемуары также значительно

выигрывают от включения данного текста, поскольку он предает всему произведению стилистическое разнообразие.

Очерк «К и Т» рассказывает о путешествии Куникида Доппо и Таяма Катай в Никко в 1897 г., они отправились туда 21 апреля, а вернулись в Токио 2 июня. Жили друзья в храме Сёсонъин. Инициатором поездки был Таяма Катай, который уже бывал в этом храме и знал его окрестности. Куникида Доппо отправлялся туда впервые. Очерк не дает никаких дат, не является travelogue – не начинается прибытием на место и не заканчивается концом поездки. Как часто бывает в столь любимом японцами способе сочинения – «вслед за кистью» – это ряд отрывков-воспоминаний. Очерк появился через 20 лет после описываемых событий, за это время не только К, но и Т превратился для Таяма Катай в литературного героя, на которого он смотрит не просто со стороны, но еще и с высоты своего нынешнего возраста.

Имена Таяма Катай и Куникида Доппо в истории японской литературы в первую очередь связаны с прозой натуралистического направления (*сидзэнсюги*), однако поездка в Никко относится к тому времени, когда литераторы только познакомились и были молодыми людьми, каким свойственно скорее сочинять стихи, чем психологическую прозу.

Таяма Катай, впрочем, уже опубликовал несколько прозаических сочинений и считал себя вошедшим в круг «новых» писателей (в мемуарах он пишет о влиятельных «больших» писателях и противопоставляет им «новых»). Мечтая о литературной карьере, он хотел стать учеником Одзаки Коё (1867–1903), однако силой обстоятельств не стал.

Куникида Доппо сотрудничал с изданиями Токутоми Сохо (1863–1957): был корреспондентом газеты «*Кокумин симбун*» во время японо-китайской войны, потом работал редактором в «*Кокумин-но томо*» (недаром он пишет на фирменной бумаге Кокумин). Куникида Доппо еще вовсе не проявил себя в прозе, но, отправляясь вместе с Таяма Катай в Никко, хочет во что бы то ни стало написать свое дебютное прозаическое сочинение. В момент, когда начинается его знакомство с Таяма Катай, он больше всего переживает из-за несостоявшейся семейной жизни: распался его недавний и очень короткий брак, и он постоянно возвращается к этому в своих мыслях.

В мемуарах Таяма Катай много и подробно рассказывает о своих встречах с самыми разными людьми, несколько очень важных для него связей завязались как раз в это время и были по преимуществу

«поэтическими». Друзья-поэты выпустили в 1897 г. в издательстве «Минъюся» сборник стихов под названием «Лирика» («Дзёдзёси») [Miyazaki et al. 1897], составителем его был поэт и прозаик Миядзаки Косёси (1864–1922).

Миядзаки Косёси был уже состоявшимся поэтом, сборник стихотворений под названием «Возвращение в родные края» («Кисэй») он издал еще в 1890 г. Кроме стихотворений Куникида Doppo, Таяма Катай и Миядзаки Косёси, в сборнике помещены сочинения еще троих поэтов. Янагита Кунио (1875–1962) станет самым знаменитым в истории Японии этнологом; Оота Гёкумэй (1871–1927) примет сан буддийского священника, Таяма Катай женится на его сестре в 1899 г; Саганоя Омура (1863–1943), поэт, писатель, переводчик русской литературы, позже отойдет от литературной деятельности. Для сборника каждый поэт написал предисловие к своему разделу. Стихи Куникида Doppo озаглавлены «Песни одинокого странника» («Дoppo гин»), стихотворения Таяма Катай – «Моя тень» («Вага кагэ»). Корректуру сборника Катай и Doppo получили в Никко и, как рассказывает Таяма Катай, бросили в водопад Кэгонтаки как подношение богам.

Первая встреча Таяма Катай и Куникида Doppo произошла осенью 1896 г. «Через Миядзаки Косёси я встретился с Куникида. Куникида в это время, после разрыва с известной О-Нобу-сан, жил в доме на холме за городом, в Сибуя. Я еще раньше слышал о нем от Косёси, кроме того, чувствовал интерес к его любовной истории, и мне нравился его свежий яркий стиль. И вот по пути ко временному жилищу Косёси в Догэндзака, я вдруг нанес визит в его дом на холме» [Тауама 1981, р. 102]. В тот раз Таяма Катай и Оота Гёкумэй не застали Косёси и решили отправиться к Doppo. «Мы же не то, чтобы не знакомы», – вспоминает свои слова Катай. Дружба между молодыми людьми завязалась мгновенно. «Мы были молоды и у нас было много общего, мы только встретились, но разговаривали друг с другом так свободно, с открытой душой, будто были друзьями уже лет десять» [Ibid., р. 105].

В мемуарах Таяма Катай цитирует письмо Doppo, которое получил незадолго до их отъезда в Никко:

Ну как? Мы правда отправимся в Никко? Это будет счастьем – со спокойной душой провести весну вместе там, где густые туманы и полноводные реки, писать о том, что почувствуем. Единственно, о чем я беспокоюсь при нашей бедности – это деньги, нужные для жизни

в таком месте, но ты говоришь, что проживем, так что это тоже не вопрос, я думаю. Мы вдвоем, наверное, сможем просуществовать на 16 иен, я не думаю, что настоятель храма – жадюга, так что если будем жить скромно, то это совсем не трудно.

Только мне немного грустно уехать и пропустить цветение сакуры у моего дома. Холодными зимними ночами, когда в ветвях деревьев завывал ветер, я ждал, когда в сад придет весна. Ты, с твоим чутким сердцем, должен понять меня. После вчерашнего и сегодняшнего дождя в саду начали расцветать персики. Так что и до того, как зацветет сакура, кажется, недалеко. Двенадцатое апреля – это день, когда опадают цветы сакуры в Кудан, и день, когда меня оставила жена. Мне печально встречать этот день в столице, но я все равно жду не дожусь этого печального дня. Ожидание скорбно, потому что мое сердце оплакивает этот день. Не будет ли отраднее провести столичную весну в столице, а потом весну Никко встретить в Никко? [Ibid., p. 109–110].

Главной задачей молодых людей является, конечно, писательство, ведь оба путешественника мечтают войти в число людей, создающих новую японскую литературу.

В горном храме молодые люди пишут, читают, гуляют, и, конечно, разговаривают. Их беседы часто вращаются вокруг литературы, и по ним можно судить о тех настроениях и пристрастиях, которые были свойственны молодым людям, желающим войти в литературу. Друзья не упоминают ни одного имени старых японских писателей, относящихся к прежним эпохам, но внимательно следят за современной литературой. В разговорах возникают имена Одзаки Коё (1867–1903), Коды Рохан (1867–1947), Мори Огай (1862–1922), Цубоути Сёё (1859–1935), Хироцу Рюро (1861–1928), Сайто Рёкуу (1868–1904), Симадзаки Тосон (1872–1943). Еще чаще звучат имена западных писателей и поэтов.

Куникида Doppo был поклонником Вордсворта. Он писал: «На меня не оказали влияние ни токугавская литература, ни Коё и Рохан. Мое направление, мой творческий метод не имеют почти никаких связей с нашей прошлой литературой. Но должен же быть первоначальный источник. Если бы спросили, в чем он, я бы ответил – в Вордсворте...» (цит. по: [Григорьева 1967, с. 37]). Любимым поэтом Т Таяма Катай называет Гейне. Впрочем, с высоты своего жизненного опыта, Катай пишет об этом увлечении двадцатилетнего Т с изрядной долей иронии.

По «К и Т» очень ярко виден интерес Таяма Катай к Мопассану. Спустя несколько лет этот интерес во многом определит его понимание натурализма. Однако и здесь Таяма Катай ироничен по отношению к Т, плохо понимающему сложное переплетение человеческих отношений, описанное Мопассаном. При этом, хотя он и подчеркивает, что это имя еще очень мало известно в Японии, но пишет, что К, приглашая Т посмотреть на красивую девушку, вспоминает героев рассказа «Солдатики», что свидетельствует о том, что и К этого автора читал. В это время многим казалось, что именно западная литература научит японских литераторов писать по-новому, по-настоящему современно. Особенно герои увлекаются русской литературой (оба, но в большей степени Куникида Doppo) и французской – в первую очередь Таяма Катай. Из русских писателей особенно любим обоими друзьями, как и многими другими японскими литераторами, И. С. Тургенев, которого открыл Японии русист Фтабатэй Симэй (1864–1909).

Друзья, несомненно, существуют в возвышенной философско-литературной реальности. Их окружает Великая Природа, вечность человеческой жизни. Простой домик рыбака представляется им обиталищем героев романтического сочинения Мори Огай «Пузыри на воде» («Утаката-но ки»); туман и березы представляются русским пейзажем из их любимых русских романов. Они хотели бы поехать в дальние страны, чтобы встретиться со своими кумирами, и сетуют, что ни одного русского или французского имени не оказалось в списке гостей на горячем источнике, куда они однажды отправились. Однако, при всем романтизме восприятия действительности, их постоянно заботит денежный вопрос. В это время единственным заработком друзей являются гонорары.

Чтобы гонорары стали приличными, необходимо занять прочное положение в литературном мире. А для того, чтобы продвинуться в литературном мире, нужно, чтобы произведения получали положительную критику. Критика в японском литературном процессе этого времени играет огромную роль. Основным журналом, в котором печатаются отзывы на новые произведения, является «Мэдзамасигуса» – литературно-критический журнал, который пришел на смену более раннему «Сигарами дзоси», оба выпускались Мори Огай. Считается, что тремя самыми активными критиками были сам Мори Огай, Сайто Рёкуу и Кодэ Рохан. Таяма Катай ненавидел этот журнал, который был к нему враждебен, его оценка этого

издания была такой: «... “Сигарами дзоси” превратился в “Мэд-замасигуса”, и так называемые “большие” писатели предприняли, что называется, совместное сопротивление “новым” писателям» [Тауама 1981, р. 91]¹.

В 1897 г. гонорары героев очерка невелики. Свое дебютное произведение (в «К и Т» нет его названия) Куникида Доппо продает за 25 сэн за страницу. При этом Куникида говорит, что должен получить больше Таяма, который получает 30 сэн за страницу (его слова, конечно, задевают друга). А вот «большие» писатели получают до двух иен за страницу. За книгу, которую мечтает купить Таяма Катай (английский перевод «Пьера и Жана» Мопассана) он должен заплатить 1 иену 50 сэн.

Таяма Катай не слишком много пишет о том произведении, которое стало дебютным для Куникида Доппо, однако именно его написание можно считать главным итогом пребывания друзей в Никко с точки зрения истории литературы. Рассказ «Дядюшка Гэн»² («Гэн одзи») считается одним из лучших произведений Куникида Доппо. Закончив произведение, Куникида Доппо отослал рукопись в Токио, в издательство «Хакубункан». Рассказ был напечатан в августовском номере журнала «Бунгэй курабу», одного из ведущих литературных журналов того времени. Критика встретила произведение благосклонно.

Текст «К и Т» разделен пробелами на небольшие отрывки. Как и главные герои, одной начальной латинской буквой имени обозначены и другие представители литературного мира. В большинстве случаев инициалы легко идентифицируются, однако есть несколько мест, где комментаторы сомневаются, кто именно стоит за тем или иным инициалом. Одной латинской буквой также обозначены и многие географические объекты, названия журналов, издательств и т. д. Столь нелюбимый Таяма Катай журнал «Мэдзамасигуса» в тексте фигурирует как MS草 (MSгуса). Название литературного общества «Кэньюся» Таяма Катай читает как «Гэньюся» и записывает как G社 (Gся). Безусловно, такие обозначения, появившиеся в японских текстах под влиянием западной литературы, являются приметами времени, поэтому в переводе «К и Т» они сохранены, однако в большинстве случаев

¹ О том, что Таяма Катай думает о японском литературном сообществе 1880–1890 гг. см.: [Торопыгина 2023].

² Рассказ переведен на русский язык Т. П. Григорьевой (Топехой). См.: [Куникида 1958; Григорьева 1967; Куникида 2022].

в квадратных скобках дается расшифровка. Еще одной особенностью текста является употребление латинского написания некоторых имен, названий книг, некоторых высказываний. Все эти слова в переводе также оставлены в латинском написании.

Перевод «*К и Т*» выполнен по изданию [Tayama 1981], комментарии и послесловие в котором принадлежат Такэмори Тэнью. Чрезвычайно полезен при работе с текстом был английский перевод «Тридцати лет в Токио», выполненный Кеннетом Хеншалем [Tayama 1987], снабженный большой вступительной статьей, обширным комментарием и полезными индексами.

Библиографический список

Григорьева Т. П. (1967). *Одинокий странник. О японском писателе Куникида Doppo*. – Москва: Наука.

Куникида Doppo (1958). *Избранные рассказы* / Пер. Т. П. Топехи. – Москва: Художественная литература.

Куникида Doppo (2022). «*Равнина Мусаси*». *Рассказы* / Пер. Т. П. Топехи. – Санкт-Петербург: Гиперион.

Торопыгина М. В. (2023). Таяма Катай о японском литературном мире конца 1880-х – 1890-х годов: глава «Литературный мир того времени» из книги «Тридцать лет в Токио». *История и культура Японии*. Вып. 15. *Orientalia et Classica* LXXVIII. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 465–478.

References

Grigorieva, T. P. (1967). *Odinokii strannik. O yaponskom pisatele Kunikida Doppo* [Lone Wanderer. About the Japanese writer Kunikida Doppo]. Moscow: Nauka (In Russian).

Kunikida, Doppo. (1958). *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. Transl. by T. P. Topekha. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Kunikida, Doppo. (2022). «*Ravnina Musasi*». *Rasskazy* [Musashi Plain. Stories]. Transl. by T. P. Topekha. Saint Peterburg: Giperion (In Russian).

Miyazaki, Koshohi, et al. (1897). *Jōjōshi* [Lyric Poems]. Tokyo: Min'yūsha. <https://dl.ndl.go.jp/pid/876334> (In Japanese).

Tayama, Katai. (1917). *Tōkyō no sanjūnen* [Thirty Years in Tokyo]. Tokyo: Hakubunkan. <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/955975> (In Japanese).

Tayama, Katai. (1981). *Tōkyō no sanjūnen* [Thirty Years in Tōkyō]. Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Tayama, Katai. (1987). *Literary Life in Tōkyō, 1885–1915: Tayama Katai's Memoirs Thirty Years in Tōkyō*. Transl. by Kenneth Henshall. Leiden, New York, København, Köln: Brill.

Tomatsu, Izumi. (1979). Tayama Katai “Bunshō sekai” keisatsu chojutsu ichiranhyō [List of publications by Tayama Katai in *Bunsho Sekai*]. *Nihon Bungaku*, 51, 64–82. (In Japanese).

Toropygina, M. V. (2023). Tayama Katai o yaponskom literaturnom mire kontsa 1880 – 1890-kh godov: glava «Literaturnyi mir togo vremeni» iz knigi «Tridsat' let v Tokio» [Tayama Katai on the Japanese Literary World of the Late 1880s – 1890s: Chapter “The Literary World of Those Days” From the Book *Thirty Years in Tokyo*]. *Istoriya i kul'tura Yaponii*, 15, *Orientalia et Classica* LXXVIII. 465–478. (In Russian).

К и Т Таяма Катай

Когда спускался вечер, К и Т всегда выходили на прогулку вместе. К держал в руке трость. Трость была примечательна тем, что сделана из бамбукового корня, и еще историей ее покупки на Гиндзе, в которой можно было расслышать хвастовство любовными успехами. Но поскольку Т сочувствовал грустной истории любви К и к тому же не имел подобного опыта, он всегда ее слушал с серьезным выражением лица. Для Т эта случившаяся с К любовная история пока не была до конца понятна.

Временами Т казалось, что он не знает, до какой степени это правда. К рассказывает мастерски – легко, беззаботно, о чем бы он ни говорил, слушатели тут же вовлекаются в историю. Когда собирается компания в пять-шесть друзей, К всегда держит нить разговора, становится центром кружка. Т, который слушает в сторонке, тоже поначалу бывает захвачен историей, но потом, когда К слишком расходится, ему становится противно. Иногда у него возникает чувство, что половины сказанного было бы вполне достаточно. Т думает примерно так: «Ну вот, снова за свое, снова красуется. Видно, так он и женщин завлекает!».

Вообще-то Т уважает чувства К, их подлинность, чистоту, то, что когда он плачет, у него текут слезы. Часто слова К приводят Т в восторг. Религия и человеческая жизнь, любовь и смерть – в разговорах обо всех этих вещах К проявляет особенное глубокое религиозное чувство и серьезность суждений. «Он христианин, поэтому так ловок в подобных рассуждениях», – хотя Т и не соглашается с ним, но все-таки всегда восхищается.

«Ты ужасный эгоист! Почему ты не общаешься с людьми, скрываешь, что у тебя на сердце? Почему не делать все с открытой душой? Этот пессимизм... Что ни скажи, ты тут же в пессимизм впадаешь. Если уж такая мизантропия, если ты так ненавидишь этот мир, уходи в горы, становись монахом!», – К вечно говорит это Т, но на самом деле у Т просто такой характер, он не может, как К, открываться другим. По сравнению с К, чистосердечным, открытым, с легкостью говорящим обо всем, Т – мрачный, угрюмый, его грудь полна томящихся там тоски и боли, он молчалив и замкнут.

К и Т одногодки, им по двадцать шесть.

«Нет, знаешь, что ни говори, но просто невозможно не чувствовать вечность человеческой жизни. Мы с тобой в такое место приехали... Горы... Вечер... Берег пенящегося белым горного потока... Смотри, вон там одинокая хижина. Окно освещено, там горит лампа. Здесь тоже человеческая жизнь, – К говорит с воодушевлением. – Знаешь, когда я был на Хоккайдо, среди природы... Это невозможно описать! Рудокопы в горах, у них у каждого своя человеческая жизнь. Есть женщины. Есть мужчины. Там тоже закручиваются вихри трагедий и комедий. А вокруг – издревле не знавшая топора великая природа, окутанная легкой дымкой. В человеческой жизни я один. Нет-нет, я не один. Я сейчас стою перед лицом Бога. Я не могу так не думать. Я не могу позабыть, как ездил в Утасинай, там осваивают целину. И вот, как сейчас, там были дома, в них свет, а вокруг – безмолвие. По земле струился белый ночной туман, а небо было чистым, и под луной было светло, как днем. Я бродил в одиночестве, думал о многом. И постепенно я остро почувствовал всю болезненность жизни в большом городе, вне гор и лесов настоящей жизни быть не может, – так я решил. А все потому, что был полон ощущением, что и возлюбленная, и слава, всё, чего пожелаю, всё будет со мной. Мы простились с Нобу-сан в Симабаре, и я отправился на Хоккайдо с пылким, горящим молодым жаром

сердцем... – на какое-то время он прерывается. – Однако все это теперь кончено. Мечты растаяли как лед, уплыли».

Т уже не раз слышал этот рассказ К. О-Нобу-сан... К без памяти влюбился в нее, и, несмотря на сопротивление родителей девушки, против их воли, женился на ней, сразу по возвращении с Хоккайдо они вместе провели сладостных полгода на побережье Г [Дзуси], вот история про О-Нобу-сан. Теперь К расстался с О-Нобу-сан, но все же и сейчас эти воспоминания часто тревожат душу и тело К, ни на один миг он не может ее забыть. Нередко он по полдня сидит с отсутствующим видом, опираясь на спинку стула, сцепив руки за головой.

Это кажется Т странным. Т еще не попробовал запретного плода, он может воображать, но не представляет, до какой степени это сладко и до какой степени это горько. Еще Т внутренне протестует против того, что К увлек девушку для своего удовольствия. Для Т девушка – это девственница, к которой нельзя прикасаться, она священна. Идеальная красота чистой девственницы – лучшее в мире, так думал Т. Они искренне полюбили друг друга и поженились, но не прошло и года, и вот что вышло, Т не мог этого понять. И не хотел этого понимать.

«Почему так случилось?» – часто спрашивал Т.

«Почему? Я и сам не знаю. Само собой, что и тебе это непонятно. О-хо-хо... – К был опечален. – Всё растаяло и утекло! Окончательно стало прошлым», – в глазах К сверкали слезы.

К и Т проходили 5-6 тё³ вдоль реки и возвращались. В долине поднимался белый пар, ясно видимый даже в ночи.

«Невозможно высказать, прямо душа сжимается».

«Верно».

Перед тем как лечь спать, Т иногда заходил в комнату К.

Комната К находится на том же втором этаже, она обращена к горной речке, отсюда виден поднимающий белые брызги поток за воротами храма. Кажется, что шум воды наполняет всю комнату.

К ложится поздно и долго спит утром. Т, наоборот, ложится рано и рано встает. Т вошел.

«Ты что, уже ложишься?»

«Да».

³ 1 тё = 109 м.

«Рано ведь, еще только десять... Я еще собираюсь написать одно-два стихотворения, чтобы послать в редакцию К [Кокумин-но томо]».

На столе перед сидящим на стуле К в беспорядке разбросаны листы фирменной бумаги К [Кокумин], нож для бумаги, ручка, чернильница, книги. Книга Heine's Роем открыта на половине. К показывает еще не законченные стихи. «Ну как?» – спрашивает он, тут же их отбирает и сам читает вслух.

Время от времени между ними происходит разговор о положении в литературном мире. Поводом для резких нападок служат безрассудные идеи Г [Кэньюся]. К тут же говорит: «Точно напишу. Чтобы отметить приезд сюда, непременно напишу свое дебютное произведение. Сегодня опять весь день об этом думал. Ты, может, считаешь, что я ленюсь и только гуляю... Наверное, так может показаться, но это такой же труд, как и собственно работа». К намекает на то, что Т ежедневно с утра до вечера пишет длинный, в несколько сот страниц, роман, с которым ничего не сможет сделать, никуда не сможет пристроить. Т ощущает легкий внутренний протест из-за того, что К день за днем сидит, сцепив руки за головой, выходит на прогулку, бездельничает, и при этом считает, что он работает.

«Если только бездельничать, как можно написать дебютное произведение!» – в тайне насмехается Т. Т, между прочим, уже опубликовал две-три неумелых повестушки. Конечно, собравшиеся вместе во влиятельном в литературных кругах журнале «MSгуса» [«Мэдзамасигуса»] «большие» писатели по обыкновению изругали их в пух и прах.

«MSгуса», само собой, часто становился темой обсуждения. По сравнению с тем раздражением, которое испытывает к нему Т, К в своих оценках относительно беспристрастен. «Но ведь О [Мори Огай] – великий, такая глубокая эрудиция, что никто с ним в наше время не сравнится! Он мне нравится больше, чем профессор Т [Цубоути Сёё]. Что S [Сайто Рёкуу]? Придирается по мелочам и еще гордится этим. Но что поделаешь с этой упрямой въедливостью? Он же *гэсакуся*. И W [Одзаки Коё⁴] такой же. А вот R [Кода Рохан], тот получше». Т не был согласен с этими высказываниями К. Т говорил, что «MSгуса» – собрание трусливых «больших» писателей, которые, стоит пробиться новым росткам, эти только появившиеся побеги топ-

⁴ Такэмури Тэнью предполагает, что так может быть обозначен писатель и театральный критик Аэба Косон (1855–1922) [Tayama 1981, p. 315].

чут. Особенно его задевало за живое то, что критика его ругала, тогда как другие такие же новые писатели устаивались положительной оценки. Когда выходил свежий номер «MSгуса», он его и смотреть даже не хотел, но и сдержаться не мог. Т всегда стоял перед прилавком, где продавался журнал, в страхе и раздражении, быстро его пролистывал и трясся всем телом, глядя на ту страницу, где он подвергался ужасным оскорблениям.

Критик А [Тогава Сюоцу⁵], выпускник университета, который заведовал критикой в газете Y [Ёмиури], также часто становился объектом нападков двух друзей. «Этот парень пишет так, будто только и думает, как на это посмотрят “большие” писатели. До удивления отвратительная натура. Может, его еще и благодарить нужно? Это хорошо, это плохо. Петрарка то-то, Данте то-то, тошнит всё это слушать. Изящный утонченный литературный стиль, скрупулезное исследование... Хватит, надоело!», – так говорил К. Временами он еще возмущенно добавлял: «Вообще в нынешнем литературном сообществе слишком много мелочности, суются, куда не надо, и деться от этих разговоров некуда. Поэтому все такие затюканные». Т в эти минуты был с ним солидарен и тоже поносил нынешнее литературное сообщество.

На втором этаже размещалось четыре комнаты, рядом с комнатой К находилась гостиная с дешевой жаровней с жестяным зольником, рядом была комната Т, а слева от нее – комната для иностранцев, которые каждый год приезжали сюда спастись от жары, там ставили две или три кровати, и это была их спальня. Туда можно попасть и из комнаты К, и из комнаты Т, если открыть раздвижные перегородки.

Первый раз увидев эту комнату, К обрадовался: «Вот здорово! Кровати с пружинами! Аристократическая жизнь! Мы должны немедленно обратиться к настоятелю и занять ее». К был щеголем, не то что Т, и восторженным поклонником иностранного. Так они оба захватили каждый по кровати рядом с его комнатой. Между их кроватями осталась еще одна.

«Вот здорово!» – снова вскричал К, когда они первый раз улеглись на кровати.

⁵ Тогава Сюоцу (1871–1939) – критик, специалист по английской литературе, переводчик, эссеист.

Т начал писать длинный, страниц в триста-четыреста роман, когда он утомлялся, он мог и днем снова залезть на эту кровать и поспать. И тогда его влек не вкусенный запретный плод. Хотя на словах он говорил о платонической любви, ее святости, но в такое время в его голове бродили нездоровые мысли о сладком наслаждении белой кожей красивой шеи. «Что? Опять дневной сон?» – услышав его сопение, со смехом спрашивает К, нарочно отодвинув перегородку.

К никогда не спал днем. Во время дневного сна Т, К обычно выходил на прогулку. Размахивая той самой тростью, которую они покупали вместе с О-Нобу-сан на Гиндзе... Вечером он всегда ложился спать часа на два-три позже Т. В отличие от воображаемого томления и нездоровых мечтаний Т, К не мог заснуть, не думая каждую ночь об О-Нобу-сан, с которой они расстались весной прошлого года. В голове К одна за другой всплывали переплетающиеся между собой сцены воспоминаний сладкого полугода, все еще витающие у его изголовья. И вот эти сладкие, красивые, трогательные, невыносимые воспоминания пронизывает громкий, почти звериный, храп Т. К выпускает одинокий вздох.

Временами его подушка промокает от слез. В сборнике пятистиший, который днем принес Т, было такое стихотворение:

Можно услышать,
Как капли слез,
Падают на изголовье.
О любви, не дающей уснуть,
Никто не спросит.

Увидев его, К пришел в волнение, настолько оно отвечало его собственным чувствам, он декламировал его, повторяя бесчисленное количество раз, теперь оно неожиданно вспоминалось К на его одиноком ложе. Случались ночи, когда из-за одиночества и тоски К был не в силах заснуть, пока не переставали звонить ночные колокола в горах.

Ночь напролет он слышал какую-то птицу, названия которой не знал.

«Точно, это она! – говорит К, когда разговор зашел об обитающей в этих горах ночной птице. – Она, она. Такой неожиданно высокий резкий крик. Ки-ки-цу – так кричит... Ну точно, точно она».

«Точно, точно», – подтверждают молодые монахи, с которыми он в это время разговаривает.

Т вечно приходилось будить К. Проснувшись, К еще какое-то время нежится в теплой постели. А Т нетерпеливо ждет его у жаровни. Уже сварен и принесен снизу старухой-кухаркой суп, готов рис, на ярко разожженном огне булькает и бурлит кипяток в металлическом чайнике. Утреннее солнце, сияя и ослепляя, перебирается из сада на галерею.

К встал, спустился по лестнице позади комнаты с жаровней, прошел в умывальню рядом с большой кухней внизу, умыл лицо невыносимо холодной чистой водой из бамбуковой трубы, привел в порядок прическу и энергично – раз, два! – поднялся по лестнице.

«Вчера ночью не мог заснуть. До двух часов бодрствовал», – с этими словами он садится напротив Т. Т играет роль жены, К играет роль мужа.

Аромат душистого чая, запах супа-мисо, чашки для чая, чашки для супа, маринованные овощи, тарелки, блюда, – Т нетерпеливо хватается палочки и начинает есть, К спокойно пьет чай.

Частенько К рассказывает, какой сон видел прошлой ночью. К из тех молодых людей, кто видит необычные сны. Сон о золотой рыбке и девушке; история о том, как он стал большим писателем; сон про Хоккайдо, – эти сны всегда вертелись вокруг О-Нобу-сан. Он видел и сон о том, как проткнул О-Нобу-сан мечом. «Знаешь, это был этот самый короткий меч. Меч, который мне подарил старик. Когда я его со всего маху вонзил в нее, О-Нобу-сан вроде бы умерла, но уже мертвая весело смеялась. И говорила – давай еще. И крови не было, представь себе. Ну, это же сон», – он вставал и шел взять меч, который всегда был с ним, вытаскивал его из ножен и пристально смотрел на него. Меч достался ему на память от несчастного старика, который, кажется, был еще другом Такасуги Синсаку⁶. Не только в этот момент, но и в другое время К, бывало, в одиночестве обнажал его и пристально разглядывал. Это был замечательный короткий меч в два сяку пять сун⁷, острый, отлично подходивший к своим красным кожаным ножнам. Подчас К брал меч даже отправляясь на прогулку.

⁶ Такасуги Синсаку (1839–1867) – самурай клана Тёсю, политический и военный деятель.

⁷ Сяку = 30,3 см, сун = 3 см.

Когда он рассказывал сон о переезде зоопарка, Т тоже смеялся, восклицая: «Удивительный сон!». К рассказывал: «Этот поезд – не для обычных пассажиров. Это открытая платформа, уже странно, да? И туда преспокойненько садятся рядом обезьяны, тигры, медведи. Виден длинный слоновий хобот. Птицы тоже послушно погрузились в клетки. И вот эта платформа проезжает мимо тебя. Станный сон!».

Покончив с завтраком и немного поболтав, Т вскоре уходит в свою комнату. А К в одиночестве по-прежнему сидит молча напротив жаровни и смотрит на горы.

Перед тем, как поселиться на втором этаже, они поставили письменный стол и низкий столик на длинной галерее, опоясывающей главное здание храма. Там они провели дня три-четыре. Старый монах, лет пятидесяти пяти-шести, откашлявшись, сказал: «Ну, вы, кажется, нашли себе место, пусть так... Пусть так, если вам подходит. Если что-то нужно, скажите мне, Т-сан. Без стеснения. Скоро я смогу о вас позаботиться. Просто сейчас... Сейчас... Занят, не могу отложить свои дела», – он с улыбкой посмотрел на позицию, которую самовольно заняли молодые люди, и, интересуясь, что они делают, подошел к низкому столику и посмотрел: «А, пишете для газеты... И что? Это сразу в газете будет? Ну, вы молодцы!», – и, облачившись в рясу, отправился по своим священническим делам. Когда он узнал о том, что К был христианином, он со смехом сказал: «Христианские монахи мне нравятся... Нормально... Религии все одинаковые. Та же суть. И когда руки складываешь перед Буддой, и христианский аминь – одно и то же. Всё нормально».

Поскольку старый монах любил выпить, Т и К привезли ему в подарок из Токио бочонок сакэ «Болотный журавль». В поезде им изрядно мешала эта большая круглая штука, но когда они довели бочонок и увидели, как обрадовался старый монах, оба были довольны. Т тут же достал краник для бочонка. «Ух! Даже краник есть... Вы так добры... Спасибо», – сказал монах и широко улыбнулся. Т и раньше был в хороших отношениях со старым монахом, К он тоже сразу понравился.

«Симпатичный старик!» – со смехом сказал К. А раз так, будет приятно остаться здесь на подольше, думал он.

К полагал, что и бедная, лишенная удобств жизнь в горном храме, может быть увлекательной. О-Нобу-сан нанесла ему глубокую рану,

чтобы ее залечить К провел полгода в Киото, потом полгода в предместье Токио. Там он жил вместе с младшим братом, но все же ощущал себя очень одиноко, так одиноко, что ничто не спасало. Вечерами ему казалось, что О-Нобу-сан вернется и в слезах попросит прощения: «Прости меня за то, что было», – он не мог с этим справиться. Даже при простом порыве ветра, он открывал ставни и выглядывал на улицу. Бывало, он не мог совладать с собой, гнев и ярость по отношению к неверной женщине были невыносимы, он напряженно думал, что не сможет излечиться от этих страданий, если теперь же не пойдет и одним ударом меча не убьет эту женщину и тут же, тем же мечом, не покончит с собой. В это время они с Т и стали друзьями. Через историю любви К, Т сблизился с К. Т не то чтобы старался быть утешителем, но до какой-то степени мог сгладить боль незаживающей раны, будто обладал заживляющей мазью. Отданная литературе жизнь бедных молодых людей – что ж, это тоже любопытно, думал К. К тому же и для него пришло время, когда он должен был исполнить свое предназначение. «Пожалуй, попробую спокойно поразмыслить». Решив так, К согласился на эту поездку с Т в горный храм.

Сразу по прибытии они купили необходимую на каждый день еду. Сахар, печенье, ну и, само собой, сушеного тунца, без него не обойтись. Если никакой другой еды не будет, можно постругать тунца и есть его с рисом. Так что в день, когда они приехали, они пошли в город и купили дорогого большого – по понятию бедных начинающих литераторов – сушеного тунца. «Ну, раз он у нас есть, ничего другого в качестве приправы к рису и не надо», – смеялись К и Т. Богатая роскошная жизнь, конечно, не лишена приятности, но и бедная жизнь тоже занимательна. Будучи всего лишь молодыми литераторами, К и Т обладали духовной свободой, чтобы чувствовать интерес к подобным рассуждениям. «А интересно будет проверить, если месяц экономить, то на сколько мы сможем прожить?» И они решили каждую трату заносить в линованную тетрадь, которую привез с собой Т. С уст К, читавшего Карлейля с Эмерсоном, слетели слова: «Plain living, High thinking». К был большим любителем Вордсворта, так что антология, составленная Мэтью Арнолдом, всегда находилась под рукой.

В отличие от него, отстаивавший платоническую любовь Т не расставался с собранием Heine, что довольно странно. Стихи этого страстного поэта, поэта, стоящего ближе к дьяволу, чем к богу, глубоко

ироничного, на склоне лет жившего в Париже с падшими женщинами, Т любил больше всех других. Возможно, Т был не в состоянии понять темную сторону этого поэта, а был очарован исключительно похожими на маленькие жемчужины стихами о любви между мужчиной и женщиной. Так стихи поэта из Райдл-Маунт, воспевающие тихую природу, и стихи о подобной буре любовной страсти, здесь, в этом месте, в комнате этого горного храма, сплелись между собой в удивительное единство. К читал Вордсворта, Т слушал. Т декламировал Гейне, К внимал.

Интересным оказался и странным образом уготованный ему жизненный путь старого монаха. Недаром он казался К и Т таким необычным. До своих тридцати двух-трех лет он успел испытать вдовость и наслаждений, и разочарований в исполненном печалей и горестей бренном мире, но потом на него снизошло просветление, он стал сопровождать старого монаха, который как раз и был его предшественником в этом храме, в те места, куда тот отправлялся для проповеди, и еще с этого времени он неоднократно уходил в затворничество. Он предпринял затворничество «зимней вершины», которое считается самым суровым в этих горах, затворничество «подношения цветов», прошел и через тяжкий опыт трехлетней одинокой жизни в павильоне Будды. Даже сейчас старый монах питался исключительно постной пищей.

Сушеного тунца, купленного на следующий день после приезда, похоже, своровал кот. Тунца искали-искали, но нигде не нашли. «Вообще-то недавно тут шнырял большой дикий кот», – сказал К. Т тоже где-то его видел. Они не могли удержаться от горькой усмешки. А потом К расхохотался от всей души. Что ж, на этот раз они купили маленьких «черепаших» сушеных тунцов. Положить их решили отдельно, каждый хранил одного в выдвижном ящике своего стола. В какой-то день Т заметил этого дикого кота и погнался за ним, швыряя в него камнями. Вспоминая об этом, они смеялись.

Решив открыть привезенный ими бочонок сакэ, старый монах приготовил гречневой лапши, чтобы угостить двух друзей. В полу был устроен небольшой очаг, вокруг него валялось всякое барахло. Монах достал из котелка оловянные бутылочки для подогрева и налил сакэ непривычной к выпивке парочке.

«Ну, если вы сладкоежки, для вас тоже есть угощение», – старый монах, улыбаясь, вытряс из рукавов завернутые в бумагу сладкие

пирожки с красной и белой фасолевой начинкой, которые получил на поминальной службе. «Вот это я люблю», – сказал К и взял один.

Тут, даже не сказав «извините», с полным железным совком тлеющих углей неторопливо вошла кухарка, старуха за шестьдесят, в грязных рабочих штанах, морщинистая – само олицетворение природной бесхитростности, бескорыстия и простодушия. Монах сказал: «Вот хорошо, хорошо. Теплые еще», – он снял котелок с жаровни, старуха высыпала туда угли с совка и спросила: «Господин, тут люди из Исимати приходили, вы их видели?».

«Люди из Исимати?» – старый монах вскинул голову, соображая, – «Это ткачи, что ли? Видел, видел».

«Видели? Ну и хорошо... А то они спрашивали, куда господин деляся», – на ее морщинистом лице показалась ничего не выражающая улыбка, она согнула еще больше свою сгорбленную спину, и отправилась на кухню. Эта старуха готовила двум друзьям рис и суп.

«Эта бабушка занятная, – говорил К. – Только вот я ни слова из того, что она говорит, не понимаю». Что ж, было вполне естественно, что родившийся в Тюоку К не мог как следует понять настоящий диалект Тохоку. Сказать по правде, такую бабушку, настоящую деревенскую старуху, ни Т, ни К еще никогда не доводилось встречать.

«И ведь в этой женщине такая же как в нас кровь течет и сердце бьется», – заметил К.

«Да, и она производит впечатление живого существа. Примитивного живого существа, над которым цивилизация вообще не властна, не может на него повлиять. Даже в скульптуре мне такого видеть не приходилось».

«Это точно. Это лицо невозможно описать. Хотелось бы показать его скульптору. Эти глубокие, будто вырубленные морщины хороши. И она улыбается. И такое простодушие. И не кажется, что она не знает, что такое страдание, скорее, она пережила множество страданий на своем пути. Правда, хорошо было бы ее воплотить в скульптуре. Да только нынешние скульпторы никуда не сгодятся», – произнеся это, К стал рассказывать о скульпторе, которого немного знал.

Однажды К сказал:

«Я сейчас говорил со старухой».

«И где?»

«Она за домом траву полола. Странная женщина. Такая женщина могла бы в мифе появиться. И знаешь, у нее определенно есть чувство юмора».

«Да?»

«Старого монаха она называет бонзой, говорит "наш бонза". Ей нравится, что у него такой твердый характер. И она передразнивает, как бонза откашливается – кхе-кхе».

«Да?»

«Только я как следует не понимаю, что она говорит. Если бы понять, точно было бы интересно, но я больше половины не разбираю... Ей лет шестьдесят пять, так что она молодцом».

Поскольку Т уже пару раз приезжал в этот храм раньше, он кое-что знал о старухе. Она родилась в деревне в одном ри⁸ от городка, раньше они были богатыми торговцами мануфактурой. Однако мать нашей старухи была распутной, гуляла с мужчинами, и в конце концов совершенно разорила семью. Это рассказал Т. Еще Т рассказал, что старухина дочь вышла замуж за плотника в местечке R у города, она время от времени приходит поговорить с матерью. «Да, старуха говорила, дочь придет, я представил, что это за дочь, верно, тоже тетка за сорок, не иначе», – К засмеялся.

Однажды вечером луна была особенно хороша, так что двое друзей вышли на прогулку. Весна в горах была уже в разгаре. Даже цветы в темной криптомериевой роще были полны ярким лунным светом. К и Т шагали в том настроении, когда откровенно говоришь о человеческой жизни, религии, любви, вере. Жаркие речи К всегда притягивали сердце Т. Хотя временами Т подозревал, что красноречие этого человека может вести не туда, куда нужно, но он не мог не поддаться его искреннему пылу. К излагал библейскую Нагорную проповедь.

Возбуждение К всегда имело фоном боль от того, что его бросила жена, Т не мог этого до конца понять. Взгляды Т на отношения между мужчиной и женщиной пока что вовсе не касались физической близости. Когда речь заходила о ней, К всегда отводил глаза, будто бы свято хранимая им чистота могла быть запачкана.

Они дошли до самого моста на границе между городком и горами. Стекающая в равнину река была красиво освещена луной. Мимо

⁸ *Pu* = 3,9 км.

прошли двое иностранцев. Другим во всем чувствовалась удивительная поэтичность. Они громко декламировали свои стихи.

Вскоре они повернули обратно к храму, разговаривая о бедном музыканте из «Люцерна» Толстого. Вечнозеленые деревья в саду красиво сверкали вечерней росой, но берега реки, текущей глубоко внизу под отвесным обрывом, свет луны еще не достиг. Други вошли во стороны кухни.

Несмотря на лунный свет, в саду царила густая тень деревьев, а раздвижная перегородка кухни была освещена красным огнем.

«Посмотри туда!» – вдруг указал К.

Тень от старухиной головы с растрепанными, наподобие метлы, волосами, черным силуэтом падала на перегородку, было видно, как двигается ее рот. Старуха привычно разжигала огонь в большом кухонном очаге.

«Точно ведьма! – засмеялся К. – Если ночью в горах в какой-нибудь хижине наткнуться, быстрее быстрого убежишь».

Т тоже рассмеялся, глядя на силуэт.

Они подошли к старухе. «А-а!» – вскрикнув, она посмотрела вверх, огонь осветил красным ее морщинистое лицо.

«Бабушка, что с вами?» – спросил Т.

«А-а-а! – снова заголосила старуха, не в силах преодолеть волнение. – Т-сан, это вы! А я было подумала, что это мой младший сын вернулся. Вот была бы радость, если бы он мог вернуться, вот как вы... Но это невозможно! Он под землю ушел!» – слезы одна за другой скатывались с ее морщинистого лица.

«Что случилось?»

«Это я... Я вспомнила, своего младшего, он под землю ушел. Ему точно столько же лет было, как вам».

«Он умер?»

«Нет его. Уехал в У, стал полицейским, мечом звенел, молодцом был... Меня... Меня прошлой зимой навестил, больше его нет. Ушел под землю. А-а-а!»

«Из-за болезни умер?»

«От пневмонии, быстро умер. Отсюда ехала, не успела. Так хотела еще разок его увидеть, но не вышло... Вот вас увидела, вот и вспомнила...».

«У вас ведь есть еще старший сын?»

«Дзинроку никуда не годится. Это младший мне был опорой. А-а-а!»

Старуха подкинула в очаг наломанного хвороста. Огонь ярко разгорелся. В большом котелке, повешенном на крюк, что-то варилось и булькало, поднимался белый пар.

«Что готовите?» – быстро спросил молчавший и казавшийся взволнованным К.

«Соевые бобы. Господин сказал, чтобы я сварила...»

«Бобы?» – переспросил К и засмеялся.

Друзья взяли углей, поднялись на второй этаж, зажгли лампу и еще долго разговаривали у жаровни. Чем больше они рассуждали, тем огромное казалась им человеческая жизнь. Человеческая жизнь бывает непостижима. Человеческая жизнь бывает печальна. Особенно для двух молодых людей... Для двух друзей, которые как раз должны в нее войти... Об этом они разговаривали друг с другом. Говорили о романах Тургенева, об Эрихе Штерна⁹, об «Итальянском дневнике» Саймондса¹⁰, они говорили и говорили, и не могли наговориться. «Здесь, в горах есть старуха, которая думает об умершем сыне, и ее слезы катятся в золу очага», – сказал К с глубоким чувством. Ну, тогда уж есть и люди, вроде старого монаха, который храпит во сне, выпив сакэ. Есть, как мы двое, молодые люди, которым не спится, когда светит луна. Есть путешественники, что одиноко стоят на палубах в тумане за тысячи ри в далеком море. Есть люди как Рудин, которые преодолели муки любви и отбросили любовь. Есть люди как талантливый Гэса¹¹, сошедшие с ума, потеряв любовь. К подпер щеки ладонями, глубоко задумавшись о человеческой жизни, его глаза, полные молодого огня, поблескивали. Т сидел с печальным выражением, погружившись в глубокое молчание. Они долго сидели друг напротив друга.

Луна ярко освещала храмовый сад.

Т писал в своем дневнике:

«За воротами, не останавливаясь, днем и ночью текут воды, эти воды когда-нибудь вольются в море. В широкое-широкое море, в море

⁹ Эрих – герой сочинения немецкого писателя Адольфа Штерна «Поток жизни» ("Die flut des lebens"), переведенного на японский язык Мори Огай.

¹⁰ По мнению Кеннета Хеншала имеется в виду сочинение Джона Аддингтона Саймондса "Sketches and Studies in Italy and Greece".

¹¹ Гэса – герой вышедшего под названием «Погребальное дерево» («Уморэги») перевода Мори Огай немецкого романа Осипа Шубина (настоящее имя автора Лола Кишнер) «История одного гения» ("Die Geschichte eines Genies").

человеческой жизни... Однако, что же моя душа... Я сам... О, этот вечный, неисчерпаемый голос воды! И через десять лет, и сто лет, и тысячу лет будут также нестись эти воды. И когда мы умрем, и наши дети умрут, и даже внуки тоже умрут, эти воды будут течь, с тем же самым шумом. Так может ли существовать человек, который, подумав об этом, не почувствует вечность бытия?!».

Однако этот дневник был полон не только подобными записями сентиментальной, молодой, горячей души. Зафиксирована плата за поезд, отмечены мелкие расходы, где-то нарисован с натуры портрет старухи-кухарки. В маленькой Note-Book с желтой обложкой также записаны в какой-то момент сами собой пришедшие на ум стихи. Время от времени возникающие темы для прозы озаглавлены: «Любовь молодого человека», «Собаки и люди», «Короткий меч». Сейчас Т писал длинное повествование об утраченной любви молодого человека. Этот страдалец был художником, для того, чтобы избавиться от мук, он поселяется в одиночестве в доме у озера, и его мысли поглощены наполовину искусством, наполовину – девушкой. Идея заключительной части этого произведения была достаточно подробно, в деталях, записана в дневнике. Иногда Т приносил этот дневник в комнату с жаровней, излагал К свои идеи, декламировал вдруг сочиненные стихотворения, однако, когда К хотел взять дневник и посмотреть, он с волнением его закрывал. Он ни за что не показал бы его К.

В свою очередь и К ежедневно вел свой длинный-предлинный дневник. Когда он жил в предместье Токио, у него уже имелись две или три тетради этого начатого еще раньше дневника, озаглавленного «А-дневник»¹². Впечатление следовало за впечатлением, страдание за страданием. Одним словом, не было ничего, что почувствовал или увидел К, что не нашло отражения в его дневнике. К часто показывал его Т.

Особенно подробно были описаны сладкая любовь к женщине и ее потеря. «Нельзя, нельзя, тут дальше нельзя смотреть!» – с этими словами К закрывал рукой страницу, которую Т начал читать.

В то время, как дневник Т был полон исключительно фантазиями, дневник К наполняла горькая правда и печальные факты. На столе К вместе с поэтическими собраниями и романами, всегда лежала пара тетрадей его дневников. Он хотел там найти материал для своего

¹² Дневник Куникида Doppo называется «Записки без обмана» («Адзамукадзару-но ки»). Вариант перевода названия, предложенный Т. П. Григорьевой, – «Откровенные записки».

дебютного сочинения, которое вот-вот должен был начать, поэтому снова и снова перечитывал их, и это возвращало его к прошлому. К проводил время, черпая из этого дневника воспоминания о событиях своей любви, радостных, печальных, горьких.

«Это уже прошлое. Целиком прошлое», – говорил он себе.

К писал в дневнике:

«Старуха, думающая о своем ребенке; старый монах, тут же засыпающий после сакэ; двое молодых людей; а за воротами – вечно, вечно с шумом устремляющаяся в долину река... Несчастливая любовь в прошлом, желание убить ее и самому умереть – в прошлом, что бы ни было, все уходит в прошлое. Сейчас я один в этой комнате. То, что я здесь, – факт человеческой жизни. Но где я окажусь завтра или на следующий год? Мой друг уже спит, а ночная птица, названия которой я не знаю, упорно кричит. Быть может, она хочет утешить меня в глубине этой ночи».

Отложив кисть, К снова погружается в раздумья. Молодая кровь приливает к ярко освещенным лампой щекам. Рядом лежит короткий меч...

«Это вы что, специально после еды диспут затеваете?» – с деланной серьезностью спрашивает старый монах.

Они не могут удержаться от смеха. «Диспут – это же хорошо... Правда, хорошо...» – смеется К.

«Это и выглядит весело», – Т смеется.

После еды, днем или вечером, они обязательно о чем-нибудь болтают. Болтовня переходит в спор. А спор иногда перерастал в перебранку с пеной у рта. Разговаривают о любви, о религии, о литературе, о смерти... Они всегда обсуждают такие вот грандиозные проблемы.

«Нельзя быть таким слабовольным! Умри! Соверши самоубийство! Сделай это прямо сейчас, у меня на глазах! К счастью, у меня есть меч!» – ожесточенно выкрикивает К.

«Когда умереть... Когда умереть... – задыхается Т. – Когда умереть – это мое дело. Твоя помощь мне не нужна. Ты лучше о себе подумай. Я еще пока не утратил чистоту. Это ты растоптал девственность, а я не такой», – не уступает Т.

Пока они еще не обосновались на втором этаже, а обитали внизу, на галерее, обрамляющей главный зал, они не вели таких жарких споров, но с тех пор, как перебрались сюда, отчего-то раз за разом разыг-

рывалась эта сцена. К не нравились пессимистичные и целомудренные взгляды Т. Нет, не просто не нравились, он считал, что следует покончить с идеями, опирающимися на пустые мечтания. А Т казалось гадким, что К может соприкасаться с грязью этого мира, с плотью нечистых женщин. Больше того, было бы лучше, если бы К не кичился этим опытом, которым вряд ли можно было гордиться, однако же, и это было просто отвратительно, К говорил с ним сверху вниз. У Т возникало чувство протеста по отношению к доводам К: это опыт К, соответственно это факт, а поскольку это факт, соответственно, это истина. «Постой, нельзя же утверждать, что твой опыт, – это и мой опыт. У меня есть свой собственный опыт. Только тот опыт, который я получил, это мой опыт», – настаивал Т.

К пытался представить, что на самом деле скрывалось за доводами и мыслями Т. К с раздражением думал о Т, который находился в таких тисках, что К не мог ему раскрыть свободно ни свои любовные страдания, ни свои терзания по женскому телу. К воображал, не влюблен ли Т в свою племянницу, с которой ему никак невозможно быть вместе. Т не раз читал К стихи, посвященные этой племяннице. К видел ее, белокожую, с пухлыми щечками в доме Т.

«Только осуществленные идеи могут окончательно показать свою истинность. Отчего ты не попробуешь? Не попробуешь и не посмотришь, что выйдет? Истина рождается из опыта», – К вечно это повторял. Т не то, чтобы не был с ним согласен, но все же относительно практики он хотел бы держаться более осмотрительно, чем К. Он хотел быть честным. Это был обычный аргумент Т.

«Ты что, думаешь, что моя любовная история была нечестной? Если так, скажи об этом! Я бесчисленное количество раз хотел умереть, как такое состояние может быть нечестным?!» – К был взбешен.

Такие сцены – наивную перепалку между молодыми людьми – старый монах время от времени слышал, а то и видел. Временами он пугался зверского выражения их лиц, опасаясь, не начнется ли драка. Он специально выходил в сад, чтобы посмотреть. Однако в следующий момент они уже болтали и смеялись. «Да нет, какая драка. Это у них диспут», – заключал монах.

«Смешно! – теперь, начиная спор, К всегда смеялся, вспоминая об этом. – Немыслимо, он думает, что мы это для пищеварения после еды делаем. Старый монах. А мы-то, все серьезно обсуждаем: проблемы человеческой жизни, проблемы любви».

«Да-да», – смеется Т.

Не переставая идет дождь, под зонтами они шагают вдоль ряда бесчисленных статуй Дзидзо.

Быстрый горный поток несясь возле них, закручивался в водовороты, будто в кипящем котле, натыкался на большие и маленькие камни. В зарослях травы на другом берегу в полном весеннем цвету показывали свои лики красные азалии и желтые дикие розы.

По пути сюда они перешли мост, миновали маленькое поселение – горную деревушку, прошли мимо крестьянского дома, перед которым была воткнута в кадку большая ветка красной азалии.

Они снова и снова останавливались, глядя на горный поток, открывающийся перед ними, как на картине. Вода пенилась белым, водовороты наполнились темно-синим.

«Разве это не поразительно!» – восклицали оба.

В конце концов они пришли сюда, где по одной стороне стоял длинный ряд каменных Дзидзо.

У одних не доставало половины головы, у других отсутствовала верхняя часть туловища. У одних был утрачен нос, у других оторваны руки. Долгие годы они были предоставлены ветру и дождю, темно-зеленый мох покрыл их лица, головы, колени.

Их внимание привлекала поза сидящих со спокойно сложенными руками фигур.

«Мне кажется, что это не камни, – говорит К, его лицо выражает глубокое чувство. – Мне как-то не верится, что это просто камни, что у них нет крови, нет плоти. В них течет человеческая кровь. Наверняка течет, так мне кажется».

Увидев, что Т молча слушает, он продолжает.

«Это следы человечества. Следы тысячелетнего, двухтысячелетнего, или даже вечного человечества. Не должны ли мы думать, что человечество воплотило себя в таком образе? И осталось в нем. Они... Люди... Не должны ли мы думать, что они остались в этом образе оттого, что человеческие страдание и боль уже тысячи лет назад были такими же, как у нас сегодня, – страданием, болью, горечью любви, горечью смерти, горечью жизни. Здесь находятся люди, жившие за тысячи лет до нас, и мы сами, и те, кто будут жить через тысячи лет. Это образ человечества. Символ».

«Это так», – на лице Т было выражение глубокой задумчивости.

«Разве это не дает тебе ощущения бесконечности человеческого бытия? Эти камни похожи обликом на людей. Они поросли мхом. Идет дождь. Дождь идет целую вечность. С носа, с головы вечно каплют капли дождя, – друзья рассматривали статуи одну за другой. – Все эти люди, как и мы, вздыхали под тяжким грузом человеческой жизни, несли свое страдание. Не знаешь, что сказать, когда задумаешься об этом, правда?».

Т не мог не согласиться с ним от всего сердца. Он любил спорить с К, однако... Хотя каждый человек думает по-своему, эти мысли К вызывали в Т глубокий отклик.

«Это правда. Мы скоро уйдем. И превратимся в подобные человеческие образы. Когда об этом думаешь, начинаешь жалеть человечество, суесящееся из-за пустячных интересов и борьбы...»

«Да-да... Думая об этом, мы можем получить реальное представление о течении жизни. И получается, что смерть – это не смерть, а жизнь – это не жизнь. И то, что я и ты вместе вот так шагаем – это не просто так. Все в мире – собратья, причем даже независимо от пространства, и независимо от времени, мы все – собратья. Одно человечество...»

Говоря это К, как будто не в силах сдержать чувство, погладил мокрое от дождя лицо Дзидзо.

Он двинулся дальше: «Я глубоко, горячо это чувствую. Я старался говорить об этом с О-Нобу-сан, но она совсем ничего не поняла. Это горько. Наверное, я не сумел достучаться до нее, но когда я об этом думаю, мою грудь пронзает боль».

Т промолчал. Какое-то время друзья шагали, погрузившись в глубокое молчание. Дождь припустил. Когда они проходили под большими деревьями, дождевые капли с шумом падали на поверхность их зонтов.

Т разговаривал со старухой-кухаркой у очага, когда, по обыкновению помахивая своей тростью и улыбаясь, К вернулся с привычной прогулки.

С каждой такой прогулки К приносил разные истории, которые рассказывал Т. У дома, видимо, это дом учительницы кройки и шитья, собралось много молодых девушек; в тени ограды у гостиницы N [Никко] влюбленно болтали одетый в белое повар и женщина лет двадцати двух-трех; в речушке у того места, где собираются рикши,

поставлена мастерски сработанная игрушечная водяная мельница. Казалось, что в К этот городок N [Никко] вызывал такой же глубокий интерес, как и город S [Саики] на далеком Кюсю.

Тут же опустившись рядом, К заговорил:

«Бабушка...»

«Что тебе?»

«В храме S [Сякадо] есть девушка, да?»

«В S? – кухарка задумалась. – Да, есть, есть».

«Она кто такая?»

«Зачем тебе? Ее отец – учитель в школе».

«Не храмового сторожа дочь?»

«Сторожева в другом месте. А там снимает этот школьный учитель».

К отправился в храм, где была могила вассала, покончившего с собой вслед за господином; за храмом стоял дом с красивой, освещенной солнцем открытой галереей, на которой что-то шила девушка лет девятнадцати-двадцати. Ему были видны ее волосы, уложенные в девичий узел, и белая шея, она не двигалась, склонившись над своим шитьем. Когда К сделал несколько шагов, будто чтобы полюбоваться цветущей плакучей вишней, девушка, услышав шаги, резко подняла голову и обернулась к нему. Её от неожиданности залившееся краской лицо было невероятно красивым.

У молодых людей даже самые простые события, вроде этого, вызывали интерес. Отправляясь на прогулку, К со смехом говорил: «Может, снова в храм S схожу». Старуха не была бы старухой, если бы не посмеивалась в ответ: «Это он потому теперь так часто ходит, что там есть красивая девушка».

Когда К пришел в третий раз, девушка нарочно надела гэта, спустилась с галереи и с улыбкой сделала два-три шага в его направлении. «Ну, прямо как в любовной пьесе! А ты должен будешь сыграть роль одного из героев «Солдатиков» Maupassant. Берегись!» – сказал К.

Т, который редко ходил на прогулки, поскольку усердно занимался рукописью романа, был задет этим рассказом К. Возможно, он просто слишком много думал об этом, но только ему стало казаться, что прогулки К участились. Много раз он заходил в комнату К, думая, что К там, но его не было.

«Молодой человек как ты, уже испытывший несчастную любовь, ходит на прогулку, чтобы увидеть девушку – это занимательно.

Из этого может получиться повестушка», – с легкостью говорил Т, но поскольку это был К, умевший без труда завоевать расположение женщины, то закрадывались подозрения, как далеко все могло зайти. Т чувствовал, что и его собственной души касается тень безобразного черного дьявола.

«Вот ничего и не выходит. Он относится к искусству беспечно. Все говорил: дебютное произведение, дебютное произведение, – с тех пор, как мы сюда приехали, уже больше двадцати дней прошло, а все не может написать. Когда так привязан к действительности, дух искусства покидает тебя», – упрямо думал Т, раздраженный тем, как тяжело все дается ему самому. Мысли о том, как мужское обаяние К мгновенно действует на девушек, приводили Т в мрачное подавленное состояние.

Т дремал, лежа на спине, положив руки под голову, до смерти уставший от душевных переживаний. Т думал о том, что обстановка, в которой он живет, лишена света и радости. Вот он вернется в Токио, в дом старшего брата, а там, увы, ни дня не проходит без каких-нибудь эксцессов. Мать ссорится с братом, нет согласия между женой брата и матерью, отвратительно, да так, что об этой гнетущей обстановке никому и не расскажешь. Еще более тягостными и тяжелыми его собственные обстоятельства выглядят в сравнении с дружескими теплыми отношениями между К и его родителями. К никогда не видел ничего дурного в своих отношениях с родителями.

В манере К говорить о них проявлялись теплота и задушевность: «Он и правда хороший отец»; «Смешно смотреть, как мама сердится, мы с братом специально ее дразним, чтобы посмотреть»; «Брат на самом деле отличный парень. Да к тому же такой беззлобный». Наверно, значение имело и то, что К был искусным рассказчиком, но это правда, что таких тяжелых родственных отношений, как у Т, у него не было. Сравнивая себя с ним, Т испытывал зависть и ревность к теплой домашней обстановке, которая окружала К, и к тому, что тот умел относительно спокойно принимать обстоятельства. Его же чувства все время нестерпимо терзали эти надменные лица больших писателей из мира литературы, двуличность ненавидимых критиков, непопулярность его произведений, а особенно – слава новых писателей, одного возраста с Т, которые энергично вырвались вперед. Целомудрие и искусство! Только к ним он испытывал привязанность.

Однажды К против воли Т потащил его на прогулку. К хотелось немного подбодрить Т, который постоянно сидел сиднем в доме и имел нездоровый бледный цвет лица. К в какой-то момент начал беспокоиться о здоровье Т, и даже в их словесных баталиях после еды перестал говорить особенно неприятные вещи.

К посетил парикмахерскую и вернулся посвежевшим с приведенными в порядок усами и головой, а Т из чувства противоречия не брился и волосы носил длинные, и только умные глаза сверкали на его сумрачном лице. Глядя на свое отражение в зеркале, он думал: «У меня теперь лицо настоящего писателя!».

Против воли вытащить из дома человека – целое дело, так что осуществить план К – вместе с Т отправиться в храм S – было непросто. Однако кое-как К все же привел туда Т.

Возле храма было тихо, слышалось птичье щебетание. Плакучая вишня была в полном цвету и походила на снежный сугроб. Как и предполагалось, на освещенной солнцем галерее девушка с белой шеей шила, склонив голову. Рядом сушилось ночное кимоно с муслиновым воротником.

«Смотри, покажу тебе, как она повернется сюда».

К свистнул.

«Перестань! Ты что! Прекрати!» К собирался свистнуть второй раз, но не свистнул, остановленный свирепым взглядом Т.

«Что тебе не нравится?»

«Прекрати! Свистнешь, я уйду». Поскольку он торопливо зашагал прочь, К засмеялся и не стал свистеть, на его лице было написано: «Ну и глупец!».

Даже когда К видел, что Т старается показать своим видом, что он-то как-никак уже выдвинулся в новые писатели, и гордится этим, К не испытывал особого внутреннего сопротивления или волнения. К считал так: да, пока не написал... но пусть он мне и показывает, мол, я не способен создать свое дебютное произведение, это мы еще посмотрим, я всех удивлю. Мне вообще неохота писать пустые, никому не нужные романы, – холодно думал К.

«Этот ловелас...» – так считал Т. «Этот глупец и ханжа...» – так думал К о Т.

Со времени их приезда прошло уже больше месяца. Пожилая женщина уже приносила продавать собранный в горах папоротник, красные азалии окрасили ближнее горное ущелье. По совету старого

монаха, который говорил, что после вечерней трапезы хорошо выпить чарочку-другую, они заказали в лавке бутылку сакэ в 1 сё¹³, которую хранили около жаровни. К иногда ее тряс, смотрел и говорил, смеясь, что-нибудь вроде: «Пока что внушает надежду». При всем том, едва они выпивали по 5 сяку¹⁴, как начинали сопеть. А лица становились красными, как с пожара.

«Мы скоро пьянчугами станем с таким учителем как вы, настоятель», – говорили они старому монаху. Старый монах кашлял и посмеивался, скривив рот.

Один человек, со временем ставший крупным чиновником, когда-то, будучи никем, года два жил иждивенцем в этом храме. Годы спустя он появился здесь и в память о том времени повесил на большую балку каллиграфическую надпись. «Знаете, настоятель, мы ведь совсем скоро прославимся. И уж тогда мы по-другому сделаем. Мы станем крупными жертвователями, мы пожертвуем на главный зал. Так ведь, Т?». «Это уж не иначе. Дело решенное...» – отвечал старый монах, поднося чарку ко рту.

Время от времени они подсчитывали расходы, записанные в линованной тетрадке. То, что К заплатил из своего кошелька, было помечено треугольником. «Вот, если я дам тебе 25 сэн, то будет ровно. – К достал из кармана кошелек, и со звоном выложил монеты. – Дешево вышло. Всего немного больше двух иен пока потратили».

К вертел кошелек, выворачивая его наизнанку. «Через этот кошелек прошла тысяча или две тысячи монет», – в связи с этим кошельком К не мог не погрузиться в воспоминания о времени с О-Нобу-сан. Этот кошелек они с О-Нобу-сан тоже купили вместе на Гиндзе. И когда они с О-Нобу-сан поехали в Сиобара, и когда он тосковал по любви в лесах Хоккайдо, К всегда доставал деньги из этого кошелька.

И К, и Т по паре раз приходили денежные переводы. К – от газетной компании К [Кокумин], Т – от издательства Н [Хакубункан]... «Одна иена здесь твоя, – говорит К. – Это гонорар за то твоё стихотворения. Я всего три посылал». – «Это невыносимо! Один наш шедевр стоит одну иену!».

Денежный перевод Т был гонораром за написанный недавно короткий травелог, 30 сэн за страницу. «А вот нынешние “большие” писатели...

¹³ 1 сё = 1,8 л.

¹⁴ 1 сяку = 18 мл.

Нет, это скандал! Что Коё, что Рохан, они за страницу от иены 30 сэн до двух иен получают, разве не так? Да и R [Хироцу Рюро] тоже, за эти свои низкопробные, на коровью жвачку похожие, "популярные" произведения, которые он пишет на втором этаже публичного дома в Ёсиваре. Разве нет? Таким людям по иене 50 сэн выкладывают! А нам за страницу – 30 сэн, это же унижительно. Издательство Н платит мне всего 25 сэн. В следующий раз, если не заплатят 40 сэн или больше – откажусь», – разгорячился К.

«Всякий гонорар хорош», – говорит Т. К волнуется: «Нет, так не пойдет. Не всякий хорош. Мы же напряженно, серьезно работаем. Это же не скороспелки больших писателей!». К все-таки написал свое дебютное произведение страниц в тридцать. Ночью он прочел его Т. Т был восхищен некоторыми пассажами, от других в восхищение не пришел. Лицо К выражало гордость, он-то считал, что это – шедевр, и был доволен Т. К вчера послал это господину О [Охаси Отова¹⁵] в издательство Н. «Если тебе платят гонорар в 30 сэн за страницу, я должен получить 40». Это высказывание К немного задело Т. «Я не ради денег пишу. И не хочу менять литературу на пропитание», – с такими мыслями он каждый день брал кисть и писал свой длинный-длинный роман.

Раз в два дня внизу, в бане, старая кухарка кипятила им воду для купания. «Вода горячая, идите», – объявляла старуха, войдя в комнату в своих вечных мешковатых штанах.

«Эй Т-кун, ты первым иди!» – кричал К из своей комнаты.

Из комнаты с жаровней нужно было выйти на галерею и спуститься по лестнице, там была баня. Чистая прозрачная вода, льющаяся из трубы, всегда журчала, наполняя четырехугольный резервуар рядом с бочкой-фуру. И Т, и К с удовольствием погружались в фуру. Когда они не были в ссоре, купались вместе. Из фуру было видно, как в горной зелени мелькают алые азалии. В дождливые дни белые и серые облака закручивались наподобие водоворотов. Глядя на это, погрузившись в горячую воду, и К, и Т приходили в неописуемо хорошее расположение духа. Если воду не кипятили два-три дня, то К просил: «Бабушка, не согреете ли воды?».

К, выйдя из бани, всегда расчесывал волосы. В выдвижном ящичке жаровни К хранил гребенку, щеточку, помаду для волос, зеркальце.

¹⁵ Охаси Отова (1869–1901) – зять владельца и один из редакторов издательства «Хакубункан».

У Т еще не было усов, а у К уже были, и шикарные, К беспрестанно их дергал.

Когда они беседовали об иностранной литературе, всегда поминали Толстого, Тургенева, Достоевского, Золя, Альфонса Доде. К особенно любил Тургенева. У него имелся английский перевод «Дыма», который тогда было непросто достать, и он всегда говорил об Ирине. Особенно он любил то, как Тургенев описывает природу, больше всего ему нравились описания природы в «Записках охотника», но его любимым чтением был именно «Дым», поскольку любовь Ирины была похожа на любовь между О-Нобу-сан и им самим. «Все женщины таковы, – говорил он. – Именно так. Тут ничего лучше не скажешь, как только “Smoke, Smoke”». О концовке, когда Ирина уже ушла к другому, он говорил: «Вроде это лишнее, как ноги у змеи, но это не так. Это важно, это человеческая жизнь, огромная и непостижимая человеческая жизнь». Т был восхищен его сравнением жизни Левина и Вронского в «Анне Карениной». К был очень увлечен переводом “Asia”, который был издан, когда К жил в предместье Токио.

Т тоже нравилась русская литература, но все же он предпочитал французскую.

Когда имя Maupassant в литературных кругах и знали-то всего два-три человека, Т одолжил его «Рассказы» у студента университета М [Мацуока¹⁶], и с радостью упивался ими. В этом собрании из всего множества рассказов были выбраны те, которые были особенно «здоровыми». Таким образом Т пока не знал, что основной темой Maupassant был глубокий трагизм отношений мужчины и женщины. Ирония тоже была ему недоступна. Скорее он думал, что это автор, подобно Тургеневу и Доде, пишущий произведения о простых красивых взаимоотношениях мужчин и женщин. Когда они только сюда приехали, он обнаружил в городе старый книжный магазин, который торговал журналами и европейскими книгами. Он зашел туда просто так, ни за чем, и вдруг перед его глазами блеснуло имя Maupassant. Т вытащил книжку. Она называлась “Pierre et Jean”. У него забилося сердце. Он почувствовал, будто на краю света встретил любимого человека.

¹⁶ Мацуока – настоящая фамилия Янагита Кунио, однако действительно ли Таяма Катай имел в виду здесь Кунио, остается под вопросом [Тауама 1981, р. 315; Тауама 1987, р. 147].

«Сколько стоит?» – спросил он у продавца. «Одну иену 50 сэн». У Т не хватило денег. Делать было нечего, и Т вернул книгу на место.

Имя «Maupassant» крутилось в голове Т и когда он засыпал, и когда просыпался. Чуть что, он говорил о нем. Он купил эту книгу и радостно возвращается домой – от этого сна он проснулся. *Моо-па-сан* – так ему виделось имя, написанное по-японски. К не был так увлечен им, возможно, просто потому что еще не привык к именам только появляющихся иностранных писателей, так что он насмехался над возбужденностью Т. «*Моо-паа-сан*, противно, будто “уже старуха” – *моо-баа-сан*». Когда Т выходил пройтись по городу, он непременно заглядывал в этот магазин. «Пока есть. Пока есть. Хорошо бы никто не купил. Хорошо бы не продали до тех пор, пока у меня деньги не появятся», – с такими мыслями он выходил из лавки.

«Ну что, предмет твоих вожделений на месте?» – спрашивает К.

Когда из города возвращается К, Т прежде всего задает вопрос: «Еще там?»

«Там, там».

«Хорошо бы не купили».

«Да все нормально. Кто такую книжку купит!»

И все же Т беспокоился. «Мо-па-сан, Мо-па-сан», – бормотал он. В тот день пришел гонорар от издательства Н за травелог. Деньги были небольшие, однако прежде всего Т решил купить эту книгу. Получив деньги в большом почтовом отделении, расположенном слева от центра города, он тут же отправился в лавку европейской литературы. Сдерживая сердцебиение, Т заплатил за книгу.

Книга в желтой обложке типично французского стиля была несколько не зачитанной. Похоже, ее оставили приезжавшие сюда на экскурсию иностранцы, Т обнаружил написанное на титульном листе имя, похоже английское.

«Купил! Купил!», – он вбежал в комнату К и размахивал книгой перед его носом.

«Купил-таки?» – К улыбался. К взял книгу в руки и стал рассматривать ее. Там была иллюстрация, где мужчина и женщина целовались, К уставился на нее: «Приятно. Вызывает воспоминания».

Т, как будто это и вправду был предмет его вожделения, все время держал книгу рядом с собой. Если он не писал, то обязательно был погружен в чтение. Он читал за столом, читал у жаровни, читал в саду на теплой лужайке.

«Интересно?» – спрашивает К.

«Интересно. Психологические описания просто прекрасные».

Несмотря на эти слова, Т все же не мог получить от этого произведения то удовольствие, которое было у него от «Рассказов», куда были включены только невинные произведения. Жестокие душевные страдания Пьера и Жана для Т, не разбирающегося в отношениях между мужчиной и женщиной, были пока неясны. Связь телесная и духовная, вероломство женщины по отношению к мужчине, жизнь женщин-кокеток, одна женщина и двое мужчин, или две женщины и один мужчина, все эти вещи Т был не в состоянии понять. Возможно, все это не мог понять и К. И все же Т говорил К: «Здорово! Просто шедевр!».

К все-таки запродавал свое дебютное произведение за 25 сэн за страницу. Оно было коротким, как раз удобным для того, чтобы поместить его в журнале. К тому же главный редактор, видимо, решил, что оно выгодно отличается от привычных произведений Гся [Кэньюся]. «Вот так, 25 сэн. Это абсурд. Надо им сказать», – говорил К, однако по его лицу невольно разливалось ликование, потому что он беспокоился, продается ли оно вообще.

Слушая его, Т посмеивался.

Прошло еще два-три дня, и на имя Т тоже пришел небольшой денежный перевод. Это был гонорар за какое-то сочинение для детей. Был как раз конец месяца и этими деньгами они расплатились по счетам. Винная лавка, рисовая, угольная... Деньги были умеренными. Друзья также обсуждали подарок старому монаху. «Наверное, лучше сделать подарок, когда будем уезжать, а мы еще полмесяца, а то и месяц здесь пробудем», – сказал К, и Т с ним согласился.

Иногда платил К, а иногда из своего небольшого кошелька, какие прозывают «жабьем ртом», доставал деньги Т. Т аккуратно заносил в тетрадь даже маленькие, в сэн или два, расходы. К такая скрупулезность казалась скучной. «Да ну эти сэны!», – говорил он. «Нет, счет есть счет», – возражал Т.

Чтобы расплатиться по счетам, потребовалось всего 4 иены 85 сэн, если разделить на двоих, на каждого месячные расходы составили 2 иены 42 сэн 5 рин. К засмеялся: «Всего ничего! Выходит, мы вернемся с деньгами. Будто на отхожий промысел ездили».

Именно тогда впервые возник разговор о том, чтобы отправиться на озера Т [Тюдзэндзи], а оттуда на горячий источник У [Юмото]. Т был там несколько раз и знал места, а вот К впервые сюда приехал, так что ни того, ни другого пока не видел.

«Если не швыряться деньгами, особо много не потратим. До озера Т шесть ри, на своих двоих дойдем. Еда дешево обойдется, если не останавливаться в шикарной гостинице, куда люди в портшезах прибывают. Дальше опять на своих двоих. Расход – только ночевка. Пойдем! Пойдем!» – уговаривал К.

Т тоже был готов отправиться, однако ему хотелось кое-что доделать в своем романе.

Был полдень. Друзья стояли в храмовом саду.

Перед ними лежала великая природа, с ее красотой красок и богатством затейливых превращений. Для них было обычным любоваться горами, но сегодня они казались особенно великолепными – высокими и красивыми. Возможно, это было из-за облаков. Возможно, из-за свежести воздуха и воздействия солнечных лучей. На синеве неба, какая бывает близко к началу лета, облака, клубящиеся над горами, принимали самые разные очертания – то были как дым, то как загадочные существа, то как одинокие острова в море, они проплывали, колыхаясь, в них блистали солнечные лучи, и все вокруг наполняла непередаваемая свежесть.

«Как велика природа!» – вскричал К, не в силах сдержать эмоции. Облака беспрерывно изменялись, лучи беспрерывно вибрировали. «Человек не может создать ничего подобного природным явлениям. По сравнению с природой, человек жалок. Достоин сожаления».

«Именно».

«Что это? Вон то облако? Те лучи? Это же гора N. А это разве не подножье горы O?»

К смотрел не отрываясь, в этот момент ему показалось, что он должен во что бы то ни стало увидеть ту красоту природы, которая запрятана где-то в самой глубине: «Ну же? Неужели не пойдём? Завтра же!»

«Ну-у...»

«Разве ты не можешь работать над романом, когда вернемся? Пойдем!»

«Хорошо бы пойти...»

«Не говори, что хорошо бы пойти, а пойдём. Если будем мешкать, наши мизерные сэкономленные деньги закончатся. Всё, идем!»

«Идти? Вообще-то...»

«Я решил. Завтра отправляемся!»

Т согласился. Так они оказались лицом к лицу с великой, прекрасной природой.

Поскольку друзья отправлялись в путешествие, старый монах собственноручно приготовил для них рисовых колобков, которые завернул в бамбуковые листья. Сняв со стены тыкву-горлянку, ту тыкву-горлянку, которой гордился, поскольку купил ее на ночном рынке в Киото, когда ездил на экскурсию в район Камигата, он взял чашечку с носиком. К спросил, что он делает. «Когда идешь в горы, обязательно нужно с собой взять... Совсем другое удовольствие... Точно вам говорю... Это не помешает идти. Того сакэ, что вы мне из Токио привезли, еще уйма осталось... Так что берите». Монах настоял, чтобы они взяли тыкву-горлянку с сакэ, чашечку завернул в лист бумаги.

В соломенных сандалиях, гетрах, со свисающей с плеча тыквой-горлянкой, К стоял у выхода и ждал, пока Т закончит приготовления. К нему вышли старый монах и старуха кухарка.

«В этаким виде, я выгляжу как выпивоха», – сказал К.

«Ну... Что за ерунда... И не так уж тяжело. Только если без этого, совсем не то удовольствие», – посмеивался старый монах.

Сакэ в тыкве-горлянке легонько побулькивало на ходу. Бодрое радостное настроение захватило двух молодых друзей. От их темных мыслей, когда К глубокой ночью впивался глазами в свой короткий меч, решая жить или умереть, а Т, не в силах выносить мрачного физического и духовного напряжения, временами желал совершить самоубийство, сейчас и следа в их головах не осталось. Они шагали, оживленные, как птицы или звери.

В первый раз они откупорили тыкву-горлянку, которую дал им монах, на камне на берегу у водопада W [Урами-но такэ], тенистом, но куда все же проникал яркий солнечный свет. К достал из узелка чашечку для сакэ, с шуршанием развернул бумагу, в которую она была завернута, и протянул ее Т. «Странно, да?» – К налил сакэ из горлянки. Однако выпили они всего по паре чарок. На берегах водопада красным, белым, желтым в обилии цвели азалии, дикие розы, астры.

Места, где они проходили, ошеломляли их величием природы. Около полудня от чайной N [Нака-но тья] они поднялись по крутому склону F [Фудодзака], и вышли наверх на широкое плато O [Одайра].

Березы и буки вокруг заставили К вспомнить о Хоккайдо, о природе, об О-Нобу-сан. Когда им открылся суровый величественный вид знаменитого водопада К [Кэгон], лицо К побледнело, он выглядел возбужденным. В то время даже на самом верху водопада не было ограждения, а молодые люди еще не приохотились разбивать здесь свои загадочные сердца, бросаясь в пучины водопада. К, захваченный величественным зрелищем, позвал Т: «Давай пойдем к гребню водопада». Он тут же стал спускаться, раздвигая заросли мелкого бамбука. Т последовал за ним.

«Нормально, можно пройти», – шедший впереди К продвигался, цепляясь за ветки и хватаясь за острые камни. Вскоре друзья добрались до гребня водопада. Оказалось, что между скалами есть тесная ровная площадка примерно в 6 дзё¹⁷, ее невозможно было увидеть оттуда, откуда они смотрели на этот берег, с нее можно было наблюдать, как, поднимая брызги, обрушивается вниз величественный водопад. Они смотрели: «Потрясающе! Если прыгнуть вниз, вдребезги разобьешься».

«Неплохо придумано! Если захочется умереть – тут самое место», – сказал К. Молодых людей захватила мистическая сила, свойственная водопадам.

Тут друзья снова взялись за тыкву-горлянку. Достали рисовые колобки. Налили сакэ из горлянки в чарку. К счастью, проблема смерти больше не поднималась. К вытащил из узелка корректуру первого поэтического сборника их кружка. Один из членов кружка очень кстати прислал ее накануне. И К, и Т выпили по две-три чашечки сакэ и немного захмелели, они декламировали свои молодые стихи, помещенные в этот поэтический сборник.

Они уже собирались уходить, когда К сказал: «S [Симадзаки Тосон] из “Бунгакукай” в храме Исиямадэра совершил подношение Шекспиrom, почему бы и нам не поднести эту корректуру богам водопада, чтобы отметить это событие?».

«Будет правильно». Они бросили поэтический сборник в водопад, вскинули вверх руки и прокричали «Бандзай!».

Через час они шли по извилистой дороге, где между деревьями время от времени проглядывало чистое зеркало озерной воды. Их молодым сердцам все вокруг виделось прекрасным и завораживающим.

¹⁷ Дзё = 1,6 м².

Даже мимо дома простого рыбака они не могли пройти просто так. Они тут же вспомнили сцену из произведения, написанного их старшим литературным товарищем О [Мори Огай], дав этому рыбацкому дому название «Дом Ганцеля». Сумасшедший баварский король, красивая молодая девушка, ставшая его жертвой, они не могли не поселить сюда этих людей. «Ну, теперь мы знаем, здесь был дом рыбака Ганцеля», – К махнул рукой в сторону дома.

Они шли нетвердой походкой, глядя под ноги, устремив глаза в одну точку... При таком передвижении в голове К, конечно, снова болью отозвалась рана, нанесенная ему О-Нобу-сан, К погрузился в молчание, и уже не сказал ни слова, пока они шли к водопаду R [Рюдзу-но такэ]. Он шел еле-еле, с опущенной головой. Теперь перед ними было дикое поле.

Купальни в горах открылись всего четыре-пять дней назад. Тут и там в гостиницах еще торопливо убирали срезанный в конце прошлой осени тростник. Они отправились в гостиницу N [Нанкан].

Здесь все еще была зима. Зелени нигде не было видно, роща белых берез издаലെка казалась окруженной белым туманом. Холодный горный воздух пронизывал тело. Все время, пока шли по плоскогорью, К молчал, окутанный воспоминаниями о любви, заговорил только когда пришли к гостинице: «Да здесь зима, выходит, весна пока только у подножья».

В токонома в гостинице в большой вазе стояли красивые азалии. Тронутый их нежным красноватым цветом, К сказал: «Горные цветы неописуемо хороши».

«Здесь пока купальню еще не открыли, простите, немного пройти придется», – служащий гостиницы повел переодевшихся в кимоно на вате друзей в отдельно стоящее строение. В летнее время оно использовалось исключительно иностранцами, там был длинный темный коридор, в комнатах стояли кресла и плетеные стулья. Вокруг царило уединение.

Служащий открыл дверь в купальню в самом дальнем конце здания. Их окутал белый пар.

«Как хорошо! Как хорошо! Настоящий горный горячий источник!» – с этими словами К снял теплое кимоно и, почувствовав холод, бросился в горячую воду.

Их сердца, бывало, то сближались, то отдалялись друг от друга, но здесь они чувствовали совершенную близость. В этот момент Т для

К был, как никто, близким другом, и для Т тоже К был самым ценным и любимым товарищем. Два друга, ведя беседы обо всем, будто братья, терли друг другу спины. Они бесконечно возвращались к разговору о величии природы, который вели по дороге. «Здесь уединенно, такое ощущение, будто вернулся в первобытные времена. Полная тишина. Кроме воды никаких других звуков», – вслушивались они в тишину.

К вытянул ноги, затылок положил на край бассейна, и потихоньку нежился в горячей воде. «Здесь ни о чем не думаешь. Весь свет ничего не значит. Литературный круг – ничего не значит».

Т согласился: «Это правда».

Т первым вылез, надел теплое кимоно, вышел в коридор, и тут он увидел случайно оставленную открытой дверь одной из комнат, где останавливались иностранцы, он без всякой цели зашел туда. Стол, плетеные стулья, цветная гравюра, увидел, что на столе оставлены две-три иностранных книги. По всей вероятности, жившие здесь иностранцы, прочитали их и, уезжая, бросили. Т взял их в руки. Он обнаружил на них имена популярных английских писателей: Anthony Hope, Zangwell, William Black.

Ему показалось, что К вышел из купальни и он позвал его: «Я здесь!». К вошел, он выглядел довольным, с зарумянившимися щеками: «Комната иностранцев. Так вот как они живут... – он огляделся. – Это что? Книжки, которые они оставили?»

«Они все только такое и читают. Вообще-то везде много читателей легкой литературы».

К открыл книгу: «Это что, детектив?»

«Anthony Hope вообще-то вполне хорош, но современная английская литература – ерунда. Потому что она не связана с большими, глубокими течениями литературы на континенте».

«Но все же они доехали до самых этих гор. И здесь думали о своем доме, семьях, это что-то да значит. Это как если бы мы отправились в горы Швейцарии, – сказал К и быстро добавил, – слушай, Т-кун, а что если и вправду поехать?».

«Я хотел бы».

«Поехать и встретиться с Доде, Золя, Толстым. Нет, Доде, кажется, умер? Если бы был жив Тургенев, я бы за любые деньги поехал».

«Мне бы в любом случае хотелось поехать».

«И встретить такую девушку как Ирина или Марианна. В Германии, например, девушке не так просто выйти замуж, по экономичес-

ким причинам, поэтому, когда приезжает японец, похоже, это удобный случай для влюбленности. Но для того, кто поехал учиться, помолвка с немецкой девушкой может вызвать сложности, разве не так?»

Они переходили из одной пустой – Ruined – комнаты в другую. В одной комнате стояло большое зеркало, в нем отразились покрасневшее лицо К и квадратное, с густой небритостью, лицо Т. В другой комнате лежал регистрационный гостиничный журнал с иностранными именами. Т полистал его: «Тут много американцев и англичан. Потом немцы. Но ни один русский или француз сюда не приезжал», – с грустью сказал он.

На улице сгустился туман. И когда только он успел всё окутать, недоумевали они. «Этот пейзаж выглядит очень русским», – с этими словами они вернулись в свою комнату на втором этаже.

После того, как они выпили немного сакэ, друзья стали спорить. В какой-то момент их голоса зазвучали очень громко.

«Знаешь, хватит спорить, я пойду еще раз в купальню», – К вышел. Т остался и ему стало одиноко, он залез в постель.

Ему показалось, что в соседней комнате что-то читает молодая женщина. Но Т устал и тут же крепко уснул.

Когда они встали на следующее утро, Т сказал, указывая подбородком: «Ты знаешь про соседей? Там девушка, вчера вечером допоздна она что-то читала. Упоминала Коё и Рохан. Ничего хорошего, если наш вчерашний спор был слышен».

«А она с кем?»

«Успокойся, похоже, с матерью. Наверное, они приехали, чтобы мать лечилась на горячих источниках. По голосу девушке где-то двадцать с небольшим».

«Ну...»

«Думаю, это было что-то Коё. Во всяком случае, она читала допоздна».

Теперь Т обращал внимание на соседнюю комнату, но в итоге увидеть девушку ему так и не удалось. Этим утром тоже упал небольшой туман, вокруг было тихо. Озеро У [Юноко] отливало холодной ржавой синевой.

«Напоследок еще разок схожу, – с этими словами К, взяв полотенце, вышел. Когда вернулся тут же сказал: – Слушай, она была, пришла. Девушка-соседка... Я ее отлично рассмотрел». К рассказал, что эта белокожая девушка, ёжась, вошла с матерью в купальню вслед за ним и все время разговаривала с матерью.